

ВСЕ БЫЛО НЕ ТАК ПРОСТО. ПРИЧИНЫ И МОТИВЫ ВВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАН В 1979 ГОДУ

Рассматриваются отношения СССР и Афганистана после захвата власти в этой стране представителями НДПА во главе с Тараки, объявившие строительство социализма. Выявляются основные причины, способствовавшие принятию решения о вводе советских войск в Демократическую республику Афганистан.

Ключевые слова:

апрельская революция, переговоры, политбюро ЦК КПСС, радикальные реформы в Афганистане, решение о вводе войск, советская помощь, советско-афганские отношения.

В нашей стране уделяется значительное внимание изучению афганских событий 1979–1989 гг., к которым СССР имел непосредственное отношение [12, 30]. Однако многие аспекты до сих пор остаются остро дискуссионными, в особенности вопрос о том, как и почему было принято решение о вводе советских войск в Афганистан. Его решение можно считать одним из самых недалководидных и ошибочных решений советского руководства в период правления Л.И. Брежнева. Негативные последствия как внутреннего, так и международного аспекта проблемы не были просчитаны. Достаточно сказать, что уже к середине 1980-х гг. более 120 государств-членов ООН последовательно выступали на всех форумах этой организации против вооруженных действий СССР в Афганистане [15, с. 475]. Как и почему руководство СССР пошло на принятие такого решения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы коротко разобраться предшествовавших обстоятельствах.

27 апреля 1978 г. офицеры афганской армии, среди которых имелись члены Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), совершили государственный переворот и свергли правительство Дауда. Эти события позже были названы Саурской или Апрельской революцией. Власть перешла в руки Революционного Совета во главе с Нур Мухаммедом Тараки – генеральным секретарем ЦК НДПА.

В СССР известие о приходе к власти НДПА было воспринято оптимистично, так как на эту партию идеологи КПСС смотрели как на идейно близкую. «...людям, подобным Сулову, Пономареву, – отмечал Г.М. Корниенко, – Афганистан виделся “второй Монголией”, перепрыгивающей из феодализма в социализм» [10, с. 108]. Формированию подобных представлений способствовали и высказывания самих аф-

ганских руководителей. Тараки через два дня после его прихода к власти, заявил: «Афганистан, следуя марксизму-ленинизму, пойдет по пути строительства социализма, и будет принадлежать к социалистическому лагерю» [4, с. 22].

Однако радикальные реформы, осуществляемые новой властью, мало учитывали национально-историческое своеобразие страны и не находили поддержки со стороны значительной части населения. Социальная база нового режима стремительно сужалась. После года пребывания у власти, НДПА имела сторонников уже в несколько раз меньше, чем прежде. В стране началась гражданская война.

Определенную ответственность за сложившееся положение несет и советская сторона. Дипломатами, партийными и военными советниками на этом этапе были допущены серьезные ошибки и просчеты, как в оценке характера революции, так и в деле оказания помощи. Многие из них впервые столкнулись с чужим для нас строем, мышлением, традициями и устоями, поэтому рекомендации часто не соответствовали афганским реалиям. Проявлялось стремление подталкивать афганцев к тому, чтобы копировать и внедрять опыт КПСС [14, с. 33].

Драматично развивались события внутри самой НДПА. Борьба между двумя фракциями «Хальк» (Народ) и «Парчам» (Знамя) не прекращалась. «Халькисты» олицетворяли радикальную, а «парчамисты» – умеренную части НДПА. Тараки и Амин были «халькистами» и в отношении «парчамистов» вели репрессивную политику. На эту ситуацию обратили внимание в Москве. В записке Громыко, Андропова, Устинова, Пономарева «О нашей дальнейшей линии в связи с положением в Афганистане», адресованной в ЦК КПСС, отмечалось: «НДПА остается не только малочисленной, но и серьезно ослабленной в

результате внутрипартийной борьбы между группировками “Хальк” и “Парчам”. Наиболее видные руководители группировки “Парчам” были либо уничтожены, либо отстранены от партийной работы, изгнаны из армии и госаппарата, а некоторые из них оказались за границей в положении политэмигрантов» [17, д. 27. л. 5].

Оппозиционные настроения проникли и в армию, являвшуюся опорой режима. 15 марта 1979 г. в провинции Герат восстала 17-я дивизия, которую удалось подавить. Тараки и его сторонники начали понимать, что без советского военного вмешательства удержаться у власти им не удастся. С этого времени просьбы афганского руководства о вводе советских войск в Афганистан имели регулярный характер. Первая официальная просьба о присылке советских войск была высказана Тараки 18 марта в телефонном разговоре с А.Н. Косыгиным.

На Политбюро ЦК КПСС 17–19 марта 1979 г. обсуждали вопросы, связанные с Афганистаном. Все присутствующие высказались против оказания военной помощи в форме ввода войск. [7, с. 46]. С позицией Политбюро был ознакомлен прилетевший с секретным визитом в Москву 20 марта Тараки, который сразу же был принят Косыгиным. Он отклонил просьбу Тараки о вводе войск: «вопрос о вводе войск рассматривался нами со всех сторон, мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести наши войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится» [17, д. 26. л. 3]. В тот же день Тараки был принят Брежневым. Он сказал, что «вопрос о вводе войск мы всестороннее рассмотрели, тщательно взвесили, и скажу вам прямо: этого делать не следует. Это сыграло бы лишь на руку врагам – и вашим, и нашим... И хотелось бы надеяться, что вы с пониманием отнесетесь к нашим соображениям» [17, д. 25. л. 3–4].

Отказ ввести войска компенсировался значительной военно-экономической помощью. В 1979–1981 гг. должны были поставить безвозмездно специмущество на сумму 53 млн рублей, в том числе 140 орудий и минометов, 48 тысяч единиц стрелкового оружия, около 1000 гранатометов, 680 авиационных бомб, медикаменты и медоборудование на сумму 50 тыс. рублей [17, д. 30. л. 2]. В течение двух недель поставить 1500 автомобилей [17, д. 30. л. 1].

К весне 1979 года советскому руководству стало совершенно ясно, что революционно-экстремистская политика афганских

руководителей будет вести к дальнейшей эскалации гражданской войны, в ходе которой новая власть потерпит поражение. Новый подход советского руководства по афганскому вопросу теперь заключался в том, чтобы добиться создания правительства, возглавляемого умеренными коммунистами. Предполагалось включить в его состав несколько парчамистов и представителей старого режима. Вопрос этот был настолько серьезен, что в начале августа в Кабул для консультаций прилетел кандидат в члены Политбюро Б.Н. Пономарев. Но и он не сумел убедить Тараки в необходимости перемен [6, с. 201, 218, 223].

Между тем борьба между Тараки и Амином обострилась до предела, последнему удалось арестовать Тараки и сместить его со всех постов, а самому стать неограниченным диктатором Афганистана. 8 октября по указанию Амина Тараки был задушен. Это известие в Москве было воспринято удручающе. Громыко вспоминает: «Дополнительную остроту обстановки придавало убийство генерального секретаря ЦК НДПА Н.М. Тараки... Этот кровавый акт произвел потрясающее впечатление на все советское руководство. Л.И. Брежнев особенно тяжело переживал его гибель» [2, с. 97].

Амин старался доказать свою лояльность Москве. Он слал в Москву телеграмму за телеграммой, просил Брежнева принять его [5, с. 58]. Но отныне Амин рассматривался в Кремле не как товарищ, а как коварный, на все способный преступник. Убийство Тараки спровоцировало перелом, который в конечном итоге привел к принятию решения о вводе войск. Но это было не единственное обстоятельство, способствовавшее изменению настроений в Кремле [20, с.30].

Внешне отношения между советским и афганским руководством были вполне нормальными, но в реальности стали куда более сложными. В СССР существовало подозрение, что Амин, всячески демонстрировавший свою верность Советскому Союзу, забрасывавший Москву просьбами о военной помощи, намерен восстановить связи с США и несколько ослабить зависимость Афганистана от СССР [15, с. 457–459]. КГБ было известно также о встрече Амина с пакистанскими представителями, на которой он критиковал СССР и просил передать США просьбу о содействии. Советское посольство было информировано о содержании этих бесед и даже о прямых неформальных контактах Амина с американскими представителями [19, с. 104]. В КГБ Амина подозревали в сотрудничестве

с ЦРУ [9, с. 235]. В этом же его подозревали и высокопоставленные представители афганского руководства [1, с. 124–125].

Боязню укрепления позиций США в Афганистане стала едва ли не решающей причиной ввода советских войск в Афганистан. В СССР не исключали, что Амину за его поддержку США придется расплачиваться антисоветским курсом. Именно это и имел в виду Брежнев во время его встречи с французским президентом Жискард д'Эстенем в Варшаве в 1980 г.: «Если бы не вмешался ограниченный советский военный контингент, то уже в январе Афганистан превратился бы во враждебный для Советского Союза плацдарм» [8, с. 320].

Как пишет Корниенко, «мучительные размышления “тройки” (Громыко, Андропова и Устинова – *М.П.*) над проблемой – вводить или не вводить войска – продолжались в течение октября, ноября и первой декады декабря» [10, с. 244].

Действия СССР обуславливались не только внутривосточными изменениями в Афганистане, но и многим геополитическими факторами, в особенности политической США. Находясь в конфликте с Ираном, осенью 1979 г. они ввели своим кораблями и авианосцы в Персидский залив. Складывалось впечатление, что готовится вторжение в Иран. «Если США позволяют себе такое за десятки тысяч километров от своей территории, ... то почему мы должны бояться защитить свои позиции в соседнем нам Афганистане? – так примерно рассуждал Устинов», – пишет Корниенко [10, с. 243].

Определенное влияние на позицию советского руководства оказывал и китайский фактор. По вине Китая резко обострились советско-китайские отношения. Участились провокации на границе. В этот же период Китай стал оказывать давление на Вьетнам, с целью заставить его отойти от Советского Союза. Китайцы инициировали даже войну против Вьетнама. Но вскоре выяснилось, что китайская армия слаба, вьетнамцы остановили ее продвижение, а затем полностью заставили покинуть свою территорию.

Незадолго до афганских событий политика СССР дала серьезные сбои в Сомали и Египте, которые не просто поменяли свою просоветскую внешнеполитическую ориентацию на проамериканскую, а стали даже проводить активную антисоветскую политику. А.В. Шубин отмечает, что «сомалийско-египетский» сценарий в Афганистане стал кошмаром советского руководства... Но возможностей устранить Амина, опираясь на внутренние силы Аф-

ганистана, уже не было. Вторжение оставалось единственным шансом избежать крупного геополитического поражения, последствия которого казались более серьезными, нежели негативные стороны военного вмешательства» [20, с. 33–34].

Таким образом, комплекс факторов оказал влияние на принятие решения о вводе войск в Афганистан. Но в оценке одних были допущены ошибки, в оценке других – чрезмерно идеологический подход. Корниенко отмечает, что «Андропов пошел-таки на поводу у своего аппарата, преувеличивавшего, с одной стороны, опасность пребывания у власти в Афганистане Амина, которого стали изображать американским агентом, а с другой – возможности СССР по изменению ситуации там в желательном для него плане» [10, с. 243]. Кроме того, отмечает он, «над Андроповым, Громыко, Устиновым и, думаю, в еще большей мере над Сусловым довлело нечто большее, чем забота о безопасности Советского Союза в связи с опасениями относительно возможностей замены просоветского режима в Кабуле проамериканским. Роковую роль сыграло идеологически обусловленное, по сути своей ложное представление, будто речь шла об опасности “потерять” не просто соседнюю, а “почти социалистическую” страну» [10, с. 248].

К декабрю 1979 г. советское руководство (узкое ядро – Брежнев, Устинов, Андропов, Громыко) приходит к окончательному мнению о вводе войск в ДРА. Вероятно, последней каплей стало принятие 12 декабря Советом НАТО решения о размещении американских ракет средней дальности в пяти странах Западной Европы, нацеленных против стран Варшавского Договора и, прежде всего, Советского Союза. Не случайно именно 12 декабря 1979 г. в Кремле принимается решение о вводе войск в Афганистан. Секретное решение было принято узой группой членов Политбюро. Документ под названием «К положению в “А”» оформлено как Постановление ЦК КПСС. Зашифрованная буква «А» означает Афганистан.

Из соображений сверхсекретности он был напечатан не на машинке, а написан рукой члена Политбюро К.У. Черненко, в одном экземпляре. Причем составлен так, что из его содержания совершенно нельзя понять, о чем идет речь. В нем нет таких слов, как «ввод войск в Афганистан», не указана дата их ввода. Содержание документа было понятно только тем, кто принимал участие в его обсуждении.

В коротеньком документе, написанном размашистым почерком, содержалось:

«1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л. Брежнев» [17, д. 31. л. 2].

Пункт 1 означал принятие решения о вводе войск в Афганистан, начало которого было намечено на 25 декабря 1979 года. На этих же трех лиц была возложена ответственность за реализацию принятого решения.

Документ подписали – Брежнев и еще девять членов Политбюро: Андропов, Устинов, Черненко, Пельше, Сулов, Гришин, Кириленко, Громыко, Тихонов. Таким образом, решение 12 декабря 1979 г. было принято 10 членами Политбюро из 14. Подписи еще трех человек – Д.М. Кунаева, Б.Н. Пономарева (кандидат в члены политбюро) и В.В. Щербицкого, появились уже постфактум 25 и 26 декабря 1979 г. Документ не подписывался двумя членами Политбюро: А.Н. Косыгиным и Г.В. Романовым.

26 декабря 1979 г., на следующий день после начала ввода войск, на даче Брежнева было созвано узкое совещание, в котором участие кроме Генсека приняли участие еще четыре человека: Андропов, Устинов, Громыко, Черненко [17, д. 32. л. 1]. Брежнев одобрил план действий, намеченный на ближайшее время [17, д. 31. л. 2].

Решения Политбюро от 12 и 26 декабря 1979 года были поддержаны решением Пленума ЦК КПСС, состоявшегося 23 июля 1980 г. В постановлении Пленума «О международном положении и внешней политике Советского Союза», подчеркивалось: «Пленум ЦК полностью одобряет принятие мер по оказанию всесторонней помощи Афганистану: в деле отражения вооруженных нападений и вмешательства извне, цель которых – задуть афганскую революцию и создать проимпериалистический плацдарм военной агрессии на южных рубежах СССР» [17, д. 40. л. 27].

У советского руководства имелись формальные основания для ввода войск в Афганистан. 5 декабря 1978 г. между Афга-

нистаном и СССР в Москве был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет. Особое значение приобретет статья 4 договора, которая зафиксировала взаимное обязательство «предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран... в интересах обеспечения обороноспособности...» [17, д. 33. л. 19].

Но еще более важным основанием можно считать просьбы официального афганского руководства о вводе войск. Первая просьба от афганского руководства поступила, как уже отмечено, во время телефонного разговора Тараки с Косыгиным в марте 1979 года. С тех пор аналогичных просьб было еще 18, из которых семь высказывалось Амином уже после устранения им Тараки [11, с. 75].

Военное руководство страны, за исключением министра обороны Устинова, высказывалось против ввода войск. Генштабу удалось добиться принятия решения о том, что советские войска не должны участвовать в боевых действиях [3, с. 49]. После ввода войск сразу стало ясно, что реализовать это невозможно.

Советские войска пересекли границу 25 декабря 1979 г. при полном согласии тогдашнего афганского руководителя Амина. Вечером этого же дня начался штурм его президентского дворца, в ходе которого Амин был убит. Как только об этом стало известно, афганское радио сразу же передало чрезвычайное сообщение о том, что в результате народного восстания свергнут кровавый тиран и агент ЦРУ Амин и к власти пришли революционные силы во главе с Кармалем [18, с. 56]. «Уговаривать его долго не надо было, – пишет генерал КГБ Н.С. Леонов, – он рвался к власти и жаждал мести своим обидчикам» [13, с. 202].

В Кремле прекрасно понимали, что для мировой общественности нужно найти логическое объяснение ввода советских войск в соседнюю страну. Не просто было объяснить, почему с вводом войск произошло уничтожение Амина и формирование нового правительства. Поэтому уже 27 декабря 1979 года Политбюро принимает специальную записку «О наших шагах в связи с развитием обстановки вокруг Афганистана» [17, д. 33. л. 2]. В ней подчеркивалось, что советские войска введены по просьбе нового правительства во главе с Кармалем для защиты Афганистана от нападения извне. Отмечалось, что к формированию нового правительства

СССР никакого отношения не имеет. Этот пропагандистский подход был выработан как для внутреннего, так и для внешнего потребления. Так, в письме ЦК к партийным организациям КПСС разъяснялось: «...В Афганистане нашлись силы, которые, несмотря на тяжкие потери в результате неоправданных, незаконных репрессий, проведенных по настоянию Х. Амина, решительно поднялись против него, устранили его от власти и создали новые органы руководства партии и государственной власти... Руководство во главе с Кармалем обратилось к СССР с просьбой об оказании политической, материальной помощи, включая военную поддержку».

Здесь же указывалась и геополитическая причина ввода войск. «Афганистан находится в непосредственной близости от наших границ, соседствует с советскими республиками Средней Азии, имеет границу большой протяженности, недалеко находится и Китай. Поэтому необходимо проявить заботу о безопасности нашей социалистической Родины...» [17, д. 33. л. 18–20].

Официальная позиция советского руководства в сконцентрированном виде была изложена в интервью Л.И. Брежнева газете «Правда» 13 января 1980 г.: «...Империализм вместе со своими пособниками начал по сути дела необъявленную войну против революционного Афганистана...

Действиям агрессоров против Афганистана способствовал Амин, который, захватив власть, развернул жестокие репрессии против широких слоев афганского общества, партийных и военных кадров, представителей мусульманского духовенства, то есть против тех слоев, на которые опиралась апрельская революция». Генсек остановился и на внешнеполитической стороне проблемы. «Поступить иначе – означало бы смотреть пассивно, как на нашей южной границе возникает очаг серьезной угрозы безопасности Советского государства» [16, 13 января]. Как видно, Брежнев выделяет две главные причины ввода наших войск: установление в Афганистане террористической диктатуры и возникновение опасности на южных границах СССР.

В заключение необходимо отметить, что существовал целый комплекс причин, способствовавших вводу советских войск в Афганистан. Среди них решающими можно назвать идеологические и геополитические. Стремление видеть Афганистан потенциально социалистической страной подталкивало советское руководство поддерживать правящий режим военным путем. Но проблеме ввода войск нельзя также отрывать от логики борьбы двух сверхдержав за влияние в мире. СССР пытался укрепить свои позиции в этом регионе и не допустить проникновения влияния здесь США.

Список литературы:

1. Аллан П., Клей Д. Афганский капкан. Правда о советском вторжении / Пер. с нем. – М.: Международные отношения, 1999. – 446 с.
2. Афганистан в нашей судьбе. – М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. – 165 с.
3. Варенников В.И. Судьба и совесть. – М.: Палей, 1993. – 75 с.
4. Вестад О.В. Накануне ввода советских войск в Афганистан. 1978–1979 гг. // Новая и новейшая история. – 1994, № 2. – С. 43–51.
5. Волкогонов Д.А. Семь вождей. Т. 2. – М.: АО «Новости», 1999. – 480 с.
6. Гай Д., Снегирев В. Вторжение: Неизвестные страницы необъявленной войны. – М.: СП «ИКПА», 1990. – 380 с.
7. Громов Б.В. Ограниченный контингент. Советские войска в Афганистане. – М.: Прогресс, 1994. – 351 с.
8. Жискар д'Эстен. Власть и жизнь / Пер. с фр. – М.: Международные отношения, 1993. – 318 с.
9. Калугин О. Прощай, Лубянка. – М.: Олимп, 1995. – 347 с.
10. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 415 с.
11. Коммунист Вооруженных сил. – 1990, № 19.
12. Костыря А.А., Червонописский С.В. Историография войны в Афганистане (25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.). – Киев: Медиаформ, 2005. – 93 с.
13. Леонов Н.С. Лихолетье. Записки главного аналитика Лубянки. – М.: Алгоритм, 2005. – 480 с.
14. Марчук Н.И. «Необъявленная» война в Афганистане: официальная версия и уроки правды. – М.: Луч, 1993. – 207 с.
15. Марчук Н.И. Война в Афганистане: «интернационализм» в действии // Советская внешняя политика в годы «холодной войны». 1945–1985. – М.: Международные отношения, 1995. – С.453–459.
16. Правда. 1980. 13 января.
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 14.
18. Рубцов Ю.В. Советский Союз в «необъявленной» войне в Афганистане (1979–1989 годы): осмысление прошлого // Новая и новейшая история. – 2009, № 1. – с.48–70.
19. Широнин В. Под колаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. – М.: Палей, 1996. – 398 с.
20. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 768 с.